

А. А. Горский

РУСЬ

От славянского Расселения
до Московского царства

STUDIA HISTORICA

ББК 83.3(Рос=Рус)3-001.3

Г 67

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 03-01-00511

Горский А. А.

Г 67 Руть: От славянского Расселения до Московского царства –
М.: Языки славянской культуры, 2004. – 392 с. – (Studia historica).

ISSN 1727-9968

ISBN 5-94457-191-8

В книге в хронологической последовательности рассматривается ряд ключевых, спорных или малоисследованных вопросов истории средневековой Руси: о политической структуре славянского общества в догосударственный период, о роли варягов в формировании Руси, о политическом и социально-экономическом строе Древнерусского государства, о времени и предпосылках перемещения центра русской государственности с Юга на Северо-Восток, о подлинности «Слова о полку Игореве», о роли Орды в русской истории, о причинах «возвышения» Москвы, о становлении идеи «царства».

Для историков и всех интересующихся историей средневековой Руси.

ББК 83.3(Рос=Рус)3-001.3

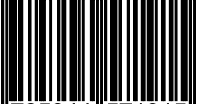
*В оформлении переплета использована фотография
Церкви Покрова на Нерли, XII в. (Владимирская область)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-191-8

9 785944 571915 >

© А. А. Горский, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Часть I	
Начало Руси.....	8
Очерк 1. «Племена» или «Славинии»? Славянское общество в догосударственный период.....	9
Очерк 2. «Славинии» Восточной Европы.....	20
Очерк 3. Русь и варяги.....	36
Очерк 4. Формирование государства Русь.....	54
Часть II	
Русь в конце X — начале XII в.	77
Очерк 1. Волости и города.....	78
Очерк 2. Проблема сущности общественного строя раннесредневековой Руси.....	95
Очерк 3. «Империя Рюриковичей»?.....	115
Очерк 4. От языческого мировосприятия к христианскому: резкая ломка или плавный переход?.....	121
Часть III	
Русь в середине XII — первой трети XIII в.	129
Очерк 1. Земли и волости.....	130
Очерк 2. От Киевской Руси — к Владимирской?.....	147
Очерк 3. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве».....	154
Очерк 4. Неизвестная война.....	181
Часть IV	
Русские земли с середины XIII до конца XIV в.	189
Очерк 1. Монгольское нашествие и судьбы русских земель.....	190
Очерк 2. К оценке деятельности Александра Невского.....	206
Очерк 3. От Александра Невского до Дмитрия Донского: Начало «возвышения» Москвы.....	224
Очерк 4. Две исторические победы великого князя Дмитрия.....	244

Часть V	
От великого княжения Владимирского — к Российскому царству:	
XV — первая половина XVI в.	276
Очерк 1. «Примыслы» Василия I.....	277
Очерк 2. Потери и приобретения Василия II.....	298
Очерк 3. Когда Москва освободилась от власти Орды?	306
Очерк 4. Долгий путь к венчанию на царство, «потомки Августа» и их «холопы»	321
Заключение	334
Список сокращений	338
Библиография	340
Указатель имен.....	369
Указатель географических и этнических названий	382

Часть I

НАЧАЛО РУСИ

---

*Уже нам некамо
ся дети, волею и
неволею стати противу;
да не посрадим земле
Руские, но ляжем
костьми, мертвыи бо
срама не имам. Аще
ли побегнем, срам
имам. Не имам убежати,
но станем крепко, аз
же пред вами поиду:
аще моя глава ляжет,
то промыслите собою.*

Речь князя
Святослава Игоревича
перед решающей битвой
с византийцами
(по «Повести временных лет»)

*Погибнет слава, которая
шествовала за русским
войском... если мы теперь
позорно отступим... Итак,
проникнемся мужеством...
и будем крепко биться
за свою жизнь. Не пристало
нам возвращаться на родину,
спасаясь бегством; мы
должны либо победить и
остаться в живых, либо
умереть со славой, совершив
подвиги, достойные доблестных
мужей.*

Та же речь в изложении
византийского хрониста Льва Диакона

Очерк 1
«ПЛЕМЕНА» ИЛИ «СЛАВИНИИ»? СЛАВЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ДОГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД

Славяне под своим именем появляются в письменных источниках в VI в. Концом V — началом VI в. датируются первые достоверно славянские археологические памятники. Они представлены т. н. пражско-корчакской и пеньковской культурами. Памятники типа Прага-Корчак распространяются в VI—VII вв. от Эльбы на западе до Днепра на востоке (с северной границей примерно по 52—53 параллелям), в Верхнем Поднестровье, Нижнем Подунавье. Ареал памятников пеньковского типа — от Прута и низовьев Дуная до левобережья среднего Днепра¹.

Пражско-корчакская и пеньковская культуры соответствуют раннему этапу т. н. «Расселения славян», явившего собой завершающий этап «Великого переселения народов» — грандиозного миграционного движения, охватившего европейский континент в первом тысячелетии н. э. и перекроившего его этническую и политическую карты. Расположение исходного ареала, из которого началось славянское Расселение, является предметом спора. В настоящее время можно выделить две группы точек зрения (внутри каждой из которых имеются свои модификации)². 1. Славяне

---

¹ См.: *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 101—133.

² Обзоры мнений о «прародине» славян и местах их обитания до середины первого тысячелетия н. э. см.: *Goehrke C.* Frühzeit des Ostslaven-

в первой половине первого тысячелетия н. э. занимали территорию от Среднего Повисленья до Среднего Поднепровья (включая верховья Днестра), с ними в той или иной степени связаны памятники пшеворской, черняховской и киевской археологических культур. 2. Славяне обитали в первой половине первого тысячелетия н. э. в регионе, ограниченном на севере Западной Двиной и верховьями Днепра, на востоке — Десной, на юге — Припятью и на западе — Неманом и Западным Бугом.

В источниках середины VI в. славяне выступают главным образом под двумя именами — *словене* (Σκλαβηνοί, Sclaveni) и *анты* (Ἄνται, Antes)³. По-видимому, справедливо мнение, что *словенами* византийские авторы обозначают группировку, представленную пражско-корчакской культурой, а *антами* — носителей пеньковской культуры⁴.

В течение VI—IX вв. славяне заселили весь Балканский полуостров, лесную зону Восточной Европы до Финского залива на севере, Немана и среднего течения Западной Двины на западе, верховьев Волги, Оки и Дона на востоке, нижнее и среднее Подунавье, междуречье Одера и Эльбы, южное побережье Балтийского моря от Ютландского полуострова до междуречья Одера и Вислы.

Славянские догосударственные общности, названия которых появляются в источниках начиная с VII в., принято именовать

---

tums. Darmstadt, 1992. S. 48—102; Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993. С. 5—12; Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994. С. 5—59.

³ См.: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I—VI вв.). М., 1991. Σκλαβηνοί обычно передается как «склавины» или «славяне». И то, и другое не вполне точно: первый вариант, формально передающий греческую транскрипцию, может создать у читателя-неспециалиста представление о существовании особого этнонима «склавины», отличного от названия «славяне»; второй вариант передает этноним так, как он звучит в современном русском языке. Раннесредневековые славянские памятники фиксируют общеславянское самоназвание в форме *словѣне*; поэтому в случаях, когда речь идет не о славянах в научном смысле этого термина, а о том, какой этноним передавали средствами своих языков греко- и латиноязычные авторы, точнее использовать название «словене».

⁴ Седов В. В. Происхождение... С. 117—118, 124—125.

«племенами» (хотя в самих источниках слово «племя» к ним не применяется). В силу того, что в ряде славянских регионов (Полабье, Балканы) четко фиксируется двухступенчатая этнополитическая структура — небольшие образования входят в состав более крупных — для обозначения последних употребляется термин «союзы племен». Когда возникли эти образования, существовали ли они до Расселения, в т. н. «праславянский» период? Рассмотрение этого вопроса затруднено тем, что ранее VII в. наименования отдельных славянских группировок в источниках не называются (упоминаемые в VI в. *словене* и *анты* явно являлись крупными группировками, включавшими в себя ряд общностей, разделенных большими расстояниями). Однако наблюдения за славянскими раннесредневековыми этнонимами, т. н. «племенными названиями» (их донесено источниками около сотни), позволяют сделать определенные выводы в отношении преемственности праславянской и «пострасселенческой» этнополитических структур⁵.

Выяснилось, что из названий, этимология которых может считаться установленной (57% всех этнонимов), почти 80% составляют наименования, происходящие от местности обитания (от гидронимов, особенностей ландшафта или старого, дославянского названия местности). Среди этнонимов со спорной этимологией некоторые также, скорее всего, имеют топонимическое происхождение. С их учетом доля названий этого типа превышает половину от всех наименований. При этом большая часть известных этнонимов (78%) относится к территориям, колонизованным славянами только в VI—VII вв. (Полабье, Балканы, Среднее Подунавье, лесная зона Восточной Европы). Очевидно, что этнонимы типа «по местности обитания» на колонизируемой территории являются новыми названиями, которые могли появиться только при заселении территории, т. е. не ранее VI—VII вв. Таким образом, около половины известных нам названий славянских догосударственных общностей в праславянскую эпоху, до Расселения, бесспорно не существовали.

---

⁵ Подробно см.: Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 160—177.

Может быть, среди славянских этнонимов присутствуют названия разных типов общностей: с одной стороны, древних племен («нетопонимические» этнонимы), с другой — чисто территориальных, новых образований («топонимические» названия)? В этом случае количество названий «по местности обитания» должно было бы увеличиваться в более позднее время и быть минимальным в раннюю эпоху (вскоре после Расселения). Но если взять наименования славянских общностей, встречающиеся только в источниках старше X в., картина их распределения по типам оказывается такой же, как и при учете всех «догосударственных» этнонимов: из 21 надежно этимологизируемого названия от местности обитания происходят 15 (71,3%).

Практически совпадает соотношение типов этнонимов даже в разновременных источниках, содержащих их перечень. Так, в «Чудесах св. Димитрия Солунского» (VII в.) названия «по местности обитания» составляют 75% (3 из 4) от числа надежно этимологизируемых и 42,3% (3 из 7) от числа всех⁶; в «Баварском географе» (вторая половина IX в.) соответственно 81,8% (9 из 11) и 39,5% (9 из 23)⁷, в «De administrando imperio» Константина Багрянородного (середина X в.) — 100% (8 из 8) и 47,1% (8 из 17)⁸, в «Повести временных лет» (начало XII в.) 76,9% (10 из 13) и 40% (10 из 25)⁹.

Отсутствие различий в соотношении типов славянских договорных этнонимов на протяжении VII—XII вв. не дает, таким образом, оснований думать, что только «топонимические» названия были новыми, появившимися после Расселения, а для названий иных типов следует предполагать древнее, праславянское происхождение. Очевидно, и среди последних было немало этнонимов, возникших в эпоху Расселения, просто мы не имеем возможности определить это с точностью, как в случае с «топонимическими» названиями в регионах колонизации.

⁶ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII—IX вв.). М., 1995. С. 124—125, 144—145, 150—151, 154—157, 164—165, 172—173.

⁷ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. М., 1993. С. 13—15.

⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 44—45, 50—53, 110—117, 130—133, 156—157, 166—169, 220—223.

⁹ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 6, 10—14, 84.

Для «племен» в традиционном смысле этого понятия, т. е. образований, члены которых связаны общностью происхождения, кровнородственными связями, свойственна устойчивость этнонима — одного из главных индикаторов этнической самоидентификации. Признание того, что в ходе расселения в славянском обществе произошла смена большей части этнонимов, ведет к заключению, что под новыми названиями скрывались новообразования, возникшие вследствие перемещения в ходе миграций племенных групп и являвшиеся в большей степени территориально-политическими, а не этническими общностями. Следовательно, этнополитическая структура раннесредневековых славян не может быть признана племенной в собственном смысле этого понятия. Племенной, очевидно, была структура праславянского общества¹⁰. В результате Расселения VI—VIII вв. она была разрушена и сформировались новые общности, носившие уже в основе не кровнородственный, а территориально-политический характер. Называть их «племенами» или «союзами племен» неверно фактически.

В 1986 г. автор этих строк предложил использовать для обозначения небольших славянских территориально-политических общностей, имевших свои самоназвания, термин «племенные княжества» (распространенный в историографии, но не в качестве замены термина «племя», а скорее параллельно с ним), а для обозначения их объединений — «союзы племенных княжеств»¹¹. Подобная терминология, однако, не вполне удобна в

---

¹⁰ Некоторые из названий праславянских племен, видимо, уцелели в эпоху миграций. В разных частях славянского мира раннего средневековья фиксируются три этнонима — хорваты, сербы и дулебы. Хорваты известны в Восточном Прикарпатье, на северо-западе Балканского полуострова, в Чехии; сербы — в междуречье Эльбы и Заале, а также на Балканах; дулебы — на Западном Буге, в Чехии, Паннонии. Почти все названия славянских общностей имели суффиксы *-ан/-ян* (поляне, древляне, мораване и т. п.) или *-ич* (дреговичи, вятичи, лютичи и т. п.). Перечисленные же этнонимы — бессуффиксные. Очевидно, это и есть названия «старых» племен, распавшихся в VI—VII вв. «Осколки» таких племен, расселившиеся в различных регионах, сохранили в своих наименованиях память о прежнем племенном устройстве.

¹¹ Горский А. А. Феодализация на Руси: основное содержание процесса // ВИ. 1986. № 8. С 82—83.

употреблении, поскольку состоит из 2—3 слов, и следует поискать иные термины. У самих раннесредневековых славян особого термина для обозначения догосударственных территориально-политических общностей не было¹². Но в византийских источниках они именовались «Славиниями» (Σκλαβηνία, Σκλαβυνία)¹³. Можно отдать предпочтение этому термину, а определения «племенное княжество» и «союз племенных княжеств» употреблять только тогда, когда надо специально подчеркнуть, какой из двух типов Славиний — небольшие догосударственные общности или их объединения — имеется в виду. Продолжение же использования понятия «племя» будет затемнять картину, поскольку этнополитическая структура раннесредневекового славянства была хотя еще и догосударственной, но уже постплеменной, являла собой переходный этап от племенного строя к государственному, и формирование славянских государств происходило на основе именно этой переходной этнополитической структуры (а не непосредственно из племенной, как это часто подразумевается в историографии).

В этом свете проясняется и проблема т. н. «племенной знати». Положение о существовании у славян в период до образования государств такой социальной группы является общим местом в историографии. Действительно, сомнения здесь вроде бы

---

¹² Они именовались названиями, образованными от этнонимов — «Дерева» (т. е. земля древлян), «Вятичи», «Дреговичи» и т. д. [см.: Горский А. А. Русь в конце X — начале XII века: территориально-политическая структура («земли» и «волости») // ОИ. 1992. № 4. С. 159. (Прим. 11); употребление в «Повести временных лет» по отношению к догосударственным общностям слова «земля» является нововведением летописца начала XII столетия, прилагавшего к ним термин, обозначающий в его эпоху независимые государства].

¹³ См. об этом термине: Литаврин Г. Г. Славинии VII—IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. В основном он употреблялся по отношению к южнославянским общностям, но Константин Багрянородный именуется «Славиниями» и восточнославянские объединения — древлян, северян, дреговичей, кривичей, а также славянские общности, соседствовавшие с Франкским государством в IX в. (*Константин Багрянородный. Об управлении империей*. С. 44—45, 50—51, 107—109).

неуместны, поскольку подобного рода категория, в которую включают племенных вождей, племенных и родовых старейшин, языческих жрецов, — явление общеисторическое. Она хорошо изучена на материалах народов, сохранивших архаичный общественный строй до XIX—XX вв. Достаточно документировано существование племенной знати и у европейских народов: древних греков и римлян, германцев эпохи Цезаря и Тацита. Поэтому представляется очевидным: не быть данной категории у славян просто не могло. Признание же ее наличия, казалось бы, естественно ведет и к очерчиванию верхней хронологической границы существования племенной знати — вплоть до образования славянских раннесредневековых государств. И источники не дают оснований усомниться в существовании в славянских догосударственных общностях предводителей-князей и жреческой прослойки. Но когда дело доходит до «племенных старейшин», категории, без которой, собственно говоря, невозможно вести речь о видной роли племенной знати (поскольку князь может быть окружен служилой знатью, связанной не с родоплеменными структурами, а отношениями личной верности со своим предводителем, языческое же жречество способно существовать и в государстве), возникают сложности.

Племенную старшину восточных славян долгое время видели в упоминаемых в русском Начальном летописании «старцах» и «старейшинах». Но анализ употребления этих терминов в древнерусской письменности в целом показал, что они являются книжными и не несут информации о реальных общественных категориях¹⁴. Остаются только упоминания о «лучших» и «нарочитых» «мужах» у древлян в середине X в. Но из контекста рассказа о мести Ольги древлянам¹⁵ (который сам по себе несет легендарные черты и записан через много десятилетий после описываемых событий) неясно, имеются в виду племенные старейшины или члены княжеской дружины (т. е. представители уже

---

¹⁴ *Завадская С. В.* О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978; *она же.* К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках X—XIII вв. // ДГ. 1987 год. М., 1989.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55—57.

новой, служилой знати). Что касается этой последней, то ее наличие в восточнославянском обществе в период формирования Киевской Руси (IX—X вв.) и ведущая роль в процессе государствообразования прослеживаются вполне отчетливо¹⁶.

Может быть, отсутствие надежных свидетельств о племенных старейшинах у восточных славян связано с тем, что древнерусские летописные памятники созданы в конце XI — начале XII в., когда память об этой категории уже стерлась? Но данные по другим регионам, содержащиеся в источниках, синхронных времени формирования славянских государств, тоже не фиксируют племенной старшины.

О характере знати в период складывания Польского государства известно из «Записки» Ибрагима ибн Якуба (60-е гг. X в.): эта знать представлена тремя тысячами «воинов в панцирях», на содержание которых идут собираемые князем Мешко I налоги¹⁷; речь идет о дружине князя.

Наиболее ранний чешский памятник — древнейшая редакция Жития св. Вячеслава (вторая половина X в., описывает события 20-х гг. X в.) — упоминает «мужей» князей Вячеслава и Болеслава, «мужи» Вячеслава именуются также «другами» (т. е. членами «дружины») князя¹⁸. Имеется в виду несомненно служилая знать. Она же, очевидно, подразумевается в упоминании Фульдскими анналами под 845 г. *homines* («людей») чешских князей¹⁹.

«Житие Мефодия» при описании событий в Моравии второй половины IX в. упоминает термин «друг» (т. е. опять-таки связанный с понятием «дружина»): им обозначен «советник» князя Святополка²⁰. Латиноязычные источники того же периода именуют моравскую знать терминами *optimates* («лучшие»), *fideles* («верные», три известия) князя, *nobiles viri fideles* («благородные мужи верные») князя, *proceres* («первые»), *populus* («люди») кня-

¹⁶ Подробно о роли дружины на Руси см. в Части II (Очерк 1).

¹⁷ *Pomniki dziejowe Polski. Seria II. Kraków, 1946. T. I. S. 50.*

¹⁸ Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970. С. 37—38.

¹⁹ *Magnae Moraviae fontes historici. T. I. Brno, 1966. P. 89.*

²⁰ Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 196.

зя²¹; преобладают термины, явно указывающие на ее служилый характер.

Однако в одном из источников, связанных с Моравией, — «За-
коне Судном людем» краткой редакции — упоминаются «жупа-
ны»²². Первоначальное значение этого термина, встречающегося
в раннее средневековье также в Хорватии, Сербии, Болгарии и у
славян Среднего Подунавья, по мнению большинства исследо-
вателей²³, — родовой или племенной старейшина²⁴. Главной
основой для такой точки зрения служило упоминание Констан-
тином Багрянородным у славян северо-запада Балканского по-
луострова ζουλανοί γέροντες, обычно переводимых как «старцы-
жупаны»²⁵. Но анализ употребления в сочинении Константина, с
одной стороны, термина γέροντες, а с другой — славянской со-
циально-политической терминологии показал, что здесь имеет
место, скорее всего, попытка передачи славянского термина «жу-
паны старейшие» (в смысле «главные») — γέροντες в данном слу-
чае не существительное («старцы»), а прилагательное («старей-
шие»). Данное известие может, следовательно, рассматриваться
как свидетельство дифференциации среди жупанов, но не способ-
но служить основанием для мнения о жупане как племенном стар-
ейшине. Рассмотрение же всех ранних (до середины X в.) из-
вестий о славянских (болгарские жупаны IX в. — тюрки-прото-
болгары) жупанах позволяет полагать, что этот термин мог

²¹ Magnae Moraviae fontes Historici. T. I. P. 98, 126; T. III. Brno, 1969. P. 200—201, 218; *Schwarzmajer H.* Ein Brief des Markgrafen Aribio an König Arnulf über der Verhältnisse in Mähren // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 6. B., 1972. S. 57, 62.

²² Закон Судный людем краткой редакции. М., 1961. С. 105, 108.

²³ Историографию см.: *Prohaska V.* Župa a župan // *Slavia antiqua*. T. XV. Warszawa — Poznań, 1968; *Грачев В. II.* Сербская государственность в X—XIV вв. (Критика теории жупной организации). М., 1972. С. 19—72.

²⁴ Высказывались, впрочем, и сомнения на этот счет: *Kostrenčič M.* Nacrt historije hrvatska države i hrvatskog prava. Zagreb, 1956. S. 138; *Wasilewski T.* Les župy et les županie des slaves méridionaux et leur place dans l'organisation des états médiévaux // I Miedzynarodowe Kongres archeologii slowiańskiej. T. III. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970; *Malingoudis Ph.* Die Institution des Zupans als Problem der frühslawischen Geschichte // *Cyrrilomethodianum*. Thessalonique, 1972—1973.

²⁵ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 112—113.

иметь два значения: 1) глава небольшой этнополитической общности, не имевший княжеского титула (Сербия, Среднее Подунавье); 2) представитель верхушки княжеской дружины (Хорватия, Моравия; в одном из вариантов «Закона Судного людем» жупаны прямо отождествлялись с «другами» — дружинниками)²⁶.

Но остаются полабские славяне; считается несомненным, что у них в раннее средневековье племенная знать не просто существовала, но играла ведущую роль в обществе. Иногда полабские славяне IX в. противопоставляются мораванам: у последних в качестве общественной верхушки выступают князь и дружина, в то время как у славян Полабья — князь и племенная знать²⁷. Основой для подобного мнения является факт применения по отношению к знати ободритов, вильцев и сорбов термина *primores* («первые»)²⁸, в отличие от мораван, чья знать обозначается преимущественно терминами, указывающими на ее служилый характер. Но такое словоупотребление связано со спецификой источников. Для «Анналов королевства франков», где содержатся сообщения о знати полабских славян, несвойственно применение термина *fideles*, традиционного в латиноязычных памятниках обозначения служилой знати. Этот памятник отдает предпочтение термину *primores* для обозначения знати у самых различных народов независимо от ее статуса²⁹; к примеру, в одном случае как *primores* определены франкские графы, т. е. люди явно служилые³⁰.

²⁶ См.: *Gorsky A. A. On the Origin of the Institution of Zhupans among Slavs // Acts. 18-th International Byzantine Congress. Selected Papers: Main and Communications. Moscow, 1991. Vol. I. Shepherdstown, 1996; Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Указ. соч. С. 184—194.*

²⁷ *Ронин В. К. Славянская политика Людовика Благочестивого // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985. С. 19—20.*

²⁸ *Annales regni Francorum // Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd. 5. B., o. J. A. 815, 819, 823, 826. S. 106, 116, 132, 134, 144; Scriptores rerum Germanicarum. Einhardi Annales. Hannoverae, 1845. A. 789. P. 33.*

²⁹ *Annales regni Francorum. A. 811, 813, 815, 825, 826. S. 98, 102, 106, 140—141, 144.*

³⁰ *Ibid. A. 811. S. 98.*

Итак, оказывается, что для эпохи складывания славянских государств мы не имеем надежных сведений о наличии у славян племенных старейшин (в отличие от знати служилой, «дружинной») ³¹.

Такое молчание источников станет понятным, если признать, что племена славян перестали существовать в эпоху Расселения и сменились новыми, территориально-политическими общностями. «Племенная знать» несомненно существовала в праславянских племенах «дорасселенческого» периода. Но в ходе Расселения в результате слома старой племенной структуры основная часть старой племенной знати — племенная старшина — утрачивала свои позиции, уступая место новой, служилой знати, не связанной с родовыми и племенными институтами, формировавшейся по принципу личной верности предводителю-князю. Именно эта знать заняла ведущие позиции в образовавшихся после Расселения территориально-политических общностях и сыграла затем иницилирующую роль в образовании славянских государств. «Неуловимость» племенной старшины у раннесредневековых славян объясняется тем, что эпоха, в которую она играла главенствующую роль, была позади, пришлась на время, в отношении которого данные об общественном строе славян отсутствуют.

Таким образом, современные знания о раннесредневековом славянстве требуют отказа от двух устоявшихся, традиционных положений — о догосударственной этнополитической структуре славян раннего средневековья как племенной и о видной роли в славянских раннесредневековых догосударственных общностях «племенной» («родоплеменной») знати.

---

³¹ Надо заметить, что ясных свидетельств о наличии у славян племенной старшины нет и для эпохи славянского Расселения — VI—VII вв., в то время как данные, позволяющие предполагать возникновение в этот период у славян дружин, имеются (см. подробно: Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Указ. соч. С. 178—180; Горский А. А. О «племенной знати» и «племенах» у славян // *Florilegium*: к 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 64).

Очерк 2

«СЛАВИНИИ» ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Картину расселения славянских общностей в Восточной Европе и их жизни до того, как «нача ся прозывати Руска земля»¹, рисует «Повесть временных лет» начала XII в. в своей вводной, недатированной части.

«Тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ, а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи, инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новѣгородъ; а друзии сѣдоша на Деснѣ, и по Семи, и по Сулѣ и нарекошася сѣверь... [далее рассказы о пути «из варяг в греки», путешествии апостола Андрея и основании Кием, Щеком и Хоривом Киева] ... и по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъе в поляхъ, а въ деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане. От нихъ же кривичи, же сѣдять на верхъ Волги и на верхъ Двины, и на верхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленскъ, туда бо сѣдять кривичи; таже сѣверъ от нихъ... [далее о расселении неславянских общностей — веси, мери, муромы,

---

¹ Эта фраза помещена под 6360 (852) г. — первой датой ПВЛ. Автор относит «начало Русской земли» к началу правления в Византии императора Михаила III (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17); в действительности Михаил воцарился в 842 г.

черемисы, мордвы] ... Се бо токмо словѣнескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверь, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже вельняне... [далее о данниках Руси и о судьбе дунайских славян] ... Поляномъ же жиущемъ особѣ, якоже рекохомъ, суще от рода словѣньска, и нарекошася поляне, а деревляне же от словѣнь же, и нарекошася деревляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ: бяста бо 2 брата в лясѣх, Радимъ, а другии Вятко, и пришедъша сѣдоста Радимъ на Сѣжю, и прозвашася радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, от негоже прозвашася вятичи. И живяху в мирѣ поляне, и деревляне, и сѣверь, и радимичи, и вятичи, и хрвате. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне вельняне, а улучи и тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру или до моря суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от грекъ Великая Скуфь. Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, каждо свои нравъ. Поляне бо своих отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ... а деревляне живяху звѣринскимъ образомъ... и радимичи, и вятичи, и сѣверь одинъ обычаи имяху... си же творяху обычая кривичи и прочии погании...»².

Фактически в этом тексте содержатся пять перечней общностей, которые могут быть разделены на две группы, явно принадлежащие разным авторам. В первых трех перечнях (до слов «послѣ же вельняне») «ядро» составляют шесть этнонимов: поляне, деревляне, дреговичи, полочане, словене (в третьем перечне названы «новгородцами»), север. В двух последующих совпадают пять названий: поляне, деревляне, радимичи, вятичи, север. В совокупности же названы 15 этнонимов. При этом термины «полочане» и «кривичи» в тексте взаимозаменяемы³; «дулебы» представлены как общность, жившая там, где «ныне» живут «вельняне» (вольняне) («дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне вельняне»), а «бу-

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 10—14.

³ По-видимому, один летописец употреблял этноним «полочане», обозначавший одну из составных частей кривичей (в IX в. главенствовавшую), в качестве наименования их всех, а другой автор (работавший позже) применял название «кривичи» (см. об этом: Горский А. А. Кривичи и полочане в IX—X вв. (Вопросы политической истории) // ДГ. 1992—1993 гг. М., 1995).

жане» несколько иначе: как название, которое сменил этноним «вольняне» («бужане, зане съдоша по Бугу, послѣ же вельняне»).

Из текста ПВЛ неясно, когда сложились перечисленные общности. В изложении ею событийного ряда русской истории в недатированной части (т. е. до 6360 г.) специально рассказывается о полянах (легенда о Кие и основании Киева)⁴, во второй половине IX в. упоминаются поляне, северяне, словене, кривичи, древляне, радимичи, уличи и тиверцы⁵, в X в. — также дулебы⁶, хор-

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 9—10.

⁵ Там же. Стб. 19—24.

⁶ Дулебы, в противоречие со сказанным о них во вводной части, где об этой общности говорилось, как о жившей на Буге (Западном) до вольнян, названы в перечне участников похода Олега на Византию 907 г. («Олегу... поя же множество варяг, и словень, и чюдь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и вятичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины; си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь» — там же. Стб. 29). Однако этот перечень нет оснований рассматривать в качестве достоверного (как часто делается). Помимо того, что сложно представить, как в течение двух столетий сохранялась своеобразная «разрядная роспись» участвовавших в походе ратей, список самим составом выдает искусственное происхождение. Упоминание в начале варягов и словен восходит к тексту под 882 г., рассказывающему о захвате Олегом Киева: «И бѣша у него (Олега. — А. Г.) варязи и словѣни и прочи» (Там же. Стб. 23). Следующая группа этнонимов — чюдь, словене, кривичи, меря — взята из статьи 859 г.: «Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнх, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ» (Там же. Стб. 19). В результате словене оказались названы повторно. Последующее упоминание рядом древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов и дулебов восходит к четвертому перечню общностей из вводной части (см. выше) — при этом сводчик, составлявший перечень 907 г., не обратил внимания, что во вводной части дулебы были представлены как общность, не дожившая до «русских времен». В четвертом перечне вводной части также упомянуты уличи и тиверцы, но т. к. сводчику был известен текст под 885 г., из которого вытекало, что эти общности были неподвластны Олегу и враждовали с Киевом (Там же. Стб. 24), он вставил только упоминание тиверцев, пояснив, что они «суть толковины» (т. е. «союзники»), а не подчиненная Олегу группировка. При этом он повторил имеющееся в четвертом перечне пояснение относительно уличей и тиверцев — «да то ся зваху от грекъ Великая Скуфь», причем не вполне удачно, так, что оно стало выглядеть как относящееся ко всем названным общностям — участникам похода: «си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь». Под-

ваты и вятичи⁷. Однако нарисованная летописцем начала XII в. картина может быть соотнесена с более ранними сведениями зарубежных источников.

В середине X в. восточноевропейские «Славинии» упоминаются (и именно с употреблением этого термина) в трактате византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей». В начале главы 9 упоминаются славяне — данники Руси: «кривитеины» (Κριβιταιηνοί), т. е. кривичи, и «лендзанины» (Λενζανήνοι), т. е. лендзяне⁸. Ниже в той же главе в рассказе о *полюдье* русских князей — объезде подвластных территорий с целью сбора дани — названы «Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян (Βερβιανοί, Δρουγουβίται, Κριβιτζοί, Σεβέριοι)», т. е. древлян, дреговичей, кривичей и северян⁹. В главе 37 в качестве соседей печенегов названы ультины, дервленины и лензанины (Ούλτινοί, Δερβλενίνοι, Λενζεντοί) — уличи, древляне и лендзяне¹⁰.

Таким образом, у Константина упоминается 5 общностей, известных ПВЛ, — древляне, дреговичи, кривичи, север и уличи, а кроме того — лендзяне. Последних обычно помещают в Польше, иногда доводя их территорию на востоке до Западного Буга или даже до Стыри (приток Припяти)¹¹. Основой для этого является совпадение этимологии названия *лендзяне* и древнерусского обозначения поляков «ляхи». Однако из трактата Константина Багрянородного видно, что лендзяне, во-первых, обитали в бассейне Днепра (о них и кривичах в главе 9 сказано, что они сплав-

---

робнее о «списке участников» похода 907 г. см.: Горский А. А. К вопросу о составе войска Олега в походе на Царьград // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной средневековой историографии. XIV чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2002.

⁷ Там же. Стб. 29, 65, 81—82, 122.

⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 44—47, 316, прим. 19—20.

⁹ Там же. С. 50—51, 330, прим. 67, 68, 70.

¹⁰ Там же. С. 156—157, 390, прим. 13—15.

¹¹ Tymieniecki K. Łędzicze (Lechichi), czyli Wielkopoljka w wieku IX // Przegląd zachodni. Poznań, 1946. Т. 2; Lowmiański H. Łędzianie // Slavia antiqua. Т. 4. Poznań, 1953; Labuda G. Studia nad początkami państwa Polskiego. Т. 2. Poznań, 1988. S. 167—211.

ляли суда в реки, впадающие в Днепр, таким образом отправляя их в Киев), во-вторых, соседствовали с печенежской степью, уличами и древлянами. Регионом, соответствующим этим условиям, могут быть только верховья Припяти и ее правых притоков Горыни и Стыри, т. е. будущая восточная часть Волыни. Поэтому вероятнее всего, что лендзянами именовалась общность, обитавшая на востоке Волыни, в то время как жители Западной (побужской) Волыни назывались бужанами или волянянами¹².

Неупоминание полян и словен связано, очевидно, с тем, что их земли в середине X в. были непосредственно подвластны русским князьям, в то время как в «De administrando imperio» перечисляются общности, сохранявшие внутреннюю «автономию» и лишь являвшиеся данниками Киева (см. о структуре Руси этого времени подробно в Очерке 4 Части I). Хорваты, вятичи и тиверцы, не названные в трактате, не зависели тогда, согласно ПВЛ, от Руси. Неупоминание радимичей, покоренных в конце IX в., по летописи, Олегом¹³, можно истолковывать как указание на их последующий выход из-под власти Киева, тем более что известно об их вторичном подчинении Владимиром в 80-х гг. X в.¹⁴. Но не исключено, что радимичи могут быть в числе «прочих славян», также являвшихся, согласно Константину, данниками Руси¹⁵.

Самым ранним источником, упоминающим восточнославянские общности, является т. н. «Баварский географ» — восточно-франкская географическая записка, созданная в IX в. (вероятнее всего, в третьей его четверти)¹⁶. Здесь фигурируют бужане (Ви-

---

¹² См. подробно: *Горский А. А.* Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства. ДГ. 1995 г. М., 1997. С. 275—276. Ср. отождествление лендзян с обитателями Волыни в целом: *Wasilewski T.* Dulebowie-Ledzianie-Chorwaci: z zagadnień osadnictwa plemennego i stosunków politycznych nad Bugiem, Sanem i Wisłą w X wieku // *Przegląd historyczny*. Warszawa, 1976. R. 67. № 2. S. 181—193; *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 390, прим. 15 (комментарий Б. Н. Флори).

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24.

¹⁴ Там же. Стб. 83—84.

¹⁵ Ср.: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 61.

¹⁶ См.: *Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX—X вв. // ДГ. 1991 г. М., 1994. С. 35—39.

zani), уличи (Unlizi) и лендзяне (Lendizi). Кроме того, еще одна упоминаемая в «Баварском географе» общность — Velunzane (вольняне), вероятнее всего, локализуется, как и бужане с лендзянами, на Волини (хотя есть и точка зрения, связывающая этот этноним с г. Волин в устье Одры). Гипотетически (исходя из того, как разворачивается список этнонимов в источнике) к восточным славянам могут быть отнесены также Sittici и Stadicī (их расположение в перечне этнонимов «Баварского географа» указывает, что это, вероятно, составные части хорватов), Nerivane, Znetalici и Aturezani, скорее всего локализуемые на крайнем юго-западе Восточной Европы, близ низовьев Дуная (т. е. там, где ПВЛ помещает тиверцев), Forsderen liudi (древляне?), Fresiti, Segavici и Lucolane (возможно, составные части древлян и дреговичей)¹⁷. Наконец, термин Ruzzi (Русь) мог покрывать собой (как и Ῥῶς у Константина Багрянородного) население земли полян¹⁸. Но несколько известных по позднейшим источникам общностей в «Баварском географе» не отмечены ни под своими, ни под иными наименованиями. Это те, что обитали к востоку и северу от среднего Днепра, — север, радимичи, вятичи, кривичи и словене. Объясняется ли это просто тем, что у автора источника отсутствовала информация об этих отдаленных от верхнего Дуная, где он работал, областях, или есть основания для предположения, что к середине IX в. эти «Славинии» могли еще не сложиться? Для ответа на этот вопрос необходимо от письменных источников о восточных славянах перейти к результатам археологических изысканий.

Наиболее ранние достоверно славянские археологические культуры на территории Восточной Европы — корчакская и пеньковская (конец V—VII вв.) еще не связываются с конкретными восточнославянскими общностями, существовавшими в IX—X вв. Носителями пеньковской культуры были, как сказано выше (см. Очерк I), анты — общность, возникшая еще в праславянский (до

---

¹⁷ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 13—15, 25—28, 36—40; Горский А. А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства. С. 274—278.

¹⁸ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... С. 42. О Руси см. подробно в Очерке 3 Части I.

начала Расселения VI—VIII вв.) период и распавшаяся к началу VII в. Корчакская же культура составляет единое целое с пражской, занимавшей пространства от Западного Буга до Эльбы. В VIII—IX вв. на месте корчакской культуры, от среднего Днепра до верховьев Западного Буга, была распространена культура типа Луки-Райковецкой¹⁹. Позднее на ее территории располагались общности полян, древлян, дреговичей и «Славинии» Волыни (бужане, лендзяне, волыняне)²⁰.

Выявляются археологически и памятники, которые можно связать с хорватами (в Верхнем Поднестровье)²¹ и с тиверцами (в Нижнем Поднестровье)²². Что касается улличей, то с ними, видимо, связаны памятники в Нижнем Поднепровье, от р. Роси до порогов²³.

На Левобережье среднего Днепра в конце VII — начале VIII в. возникает волынцевская культура, затем (с конца VIII — начала IX в.) на ее основе — роменская, существовавшая до X в. включительно; их связывают с общностью *sever*²⁴. Памятники радиличей по р. Сож и вятичей на верхней Оке фиксируются в основном с IX столетия, время появления лишь немногих относят

---

¹⁹ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 90—92.

²⁰ По мнению В. В. Седова, население культуры Луки-Райковецкой называлось дулебами: именно из этой не дожившей до эпохи Киевской Руси общности вышли поляне, древляне, дреговичи и волыняне (Там же. С. 92—94). Оснований для такой гипотезы, однако, недостаточно. Единственным аргументом служит наличие в ареале культуры типа Луки-Райковецкой топонимов, производных от слова «дулеб». Но это скорее может свидетельствовать о спорадическом расселении групп, происшедших от праславянского племени дулебов, в окружении носителей других этнонимов; если бы все население здесь было дулебами, такие названия не появились бы, т. к. топоним призван *отличать* местность от соседних. ПВЛ же говорит об обитании дулебов только на Западном Буге («Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне вельняне»). Но сама по себе связь памятников X—XI вв., относимых к полянам, древлянам, дреговичам и волынянам, с предшествующей им культурой Луки-Райковецкой не вызывает сомнений.

²¹ Там же. С. 123—129.

²² Там же. С. 129—130.

²³ Там же. С. 130—132. Прежде чем переселиться в Поднестровье, улличи жили по Днепру, ниже полян (НЛ. М.; Л., 1950. С. 109).

²⁴ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 185—202.

к предыдущему веку (при этом материалы обычно датируются — по керамике — обобщенно VIII—IX вв.)²⁵.

Что касается наиболее северных общностей — кривичей и словен, то время их появления — вопрос дискуссионный. Существует точка зрения о появлении первых на севере Восточной Европы еще в V в.²⁶, но другие исследователи склоняются к VIII²⁷ и даже IX²⁸ столетиям. В отношении словен называются VII²⁹, VIII³⁰ и IX³¹ века.

Действительно, достоверно славянские археологические памятники на севере Восточной Европы — т. н. круглые (полусферические) курганы и поселения — старше IX в. не датируются. Проблема заключается в интерпретации более ранних погребальных памятников данного региона — т. н. длинных курганов и сопок.

Длинные курганы разделяются на две группы. Более ранняя (VI—VII вв.) группа долгое время именовалась «псковскими» длинными курганами, но в недавнее время выяснилось, что она занимает ареал не только позднейшей Псковской, но и Новгородской земли (вплоть до ее восточных пределов — верховьев рек Мологи и Чадогощи). Более поздняя группа (VIII—IX вв.) расположена в смоленско-полоцком регионе (т. н. «смоленско-полоцкие» длинные курганы). Культура сопок датируется VIII—X вв.

---

²⁵ См.: *Седов В. В.* Восточные славяне. С. 133—140, 143—156; *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. М., 1981. С. 12—41.

²⁶ *Седов В. В.* Славяне в раннее средневековье. С. 211—217.

²⁷ *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. Л., 1968. С. 89—118; *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978. С. 40—45.

²⁸ *Авдусин Д. А.* Образование древнерусских городов лесной зоны // Труды V международного конгресса славянской археологии. Т. I. Вып. 2а. М., 1987. С. 7; *Артамонов М. И.* Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. 1990. № 3. С. 280—282.

²⁹ *Седов В. В.* Восточные славяне. С. 66.

³⁰ *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Указ. соч. С. 96—97; *Носов Е. Н.* Происхождение первых городов Северной Руси (Постановка проблемы: история и археология) // Исторические записки. Т. 5 (123). М., 2002. С. 43.

³¹ *Авдусин Д. А.* Указ. соч. С. 7—9.

и охватывает в основном центральную часть будущей Новгородской земли³².

Еще на рубеже XIX—XX вв. была высказана гипотеза о соответствии культур длинных курганов и сопок двум известным по русскому Начальному летописанию восточнославянским общностям — соответственно кривичам и словенам³³. В настоящее время ее последовательно отстаивает В. В. Седов. Он полагает, что ранние кривичи — это население культуры ранних длинных курганов, пришедшее из Повисленья в V в. С VIII столетия кривичи занимают смоленско-полоцкий регион (смоленско-полоцкая группа длинных курганов). Тогда же в Приильменье появляется новая славянская группировка — словене (культура сопок)³⁴.

Однако распространены и мнения о неславянской принадлежности данных групп памятников. Ранние («псковские») длинные курганы связывали с балтскими и прибалтийско-финскими племенами, поздние («смоленско-полоцкие») — с балтами; в населении, оставившем сопки, предполагали выходцев из Скандинавии и приладожскую «чудь» (финнов)³⁵.

В последнее время в изучении проблемы заселения славянами будущей Новгородской земли произошел существенный сдвиг,

---

³² См.: Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. С. 211—217, 229—252.

³³ *Стицын А. А.* Сопки и жильники // Записки русского и археологического об-ва. Т. XI. 1—2. СПб., 1893; *он же.* Удлиненные и длинные русские курганы // Записки Отд. русской и славянской археологии Русского археологического об-ва. Т. V. 1. СПб., 1903.

³⁴ Седов В. В. Новгородские сопки // Свод археологических источников. Вып. Е1—8. М., 1970; *он же.* Длинные курганы кривичей // Свод археологических источников. Вып. Е1—8. М., 1974; *он же.* Восточные славяне... С. 46—66; *он же.* Славяне в древности. М., 1994. С. 296—304; *он же.* Славяне в раннем средневековье. С. 211—217, 238—246.

³⁵ См.: *Ляпушкин И. И.* Указ. соч. С. 84—95; *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Указ. соч. С. 64—65; *Носов Е. Н.* Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли // Новгородский исторический сборник. Вып. 1(11). Л., 1982; *Конецкий В. Я.* Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородский исторический сборник. Вып. 3(13). Л., 1989; *Буров В. А.* К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // Российская археология. 1996. № 1 (здесь литература вопроса).